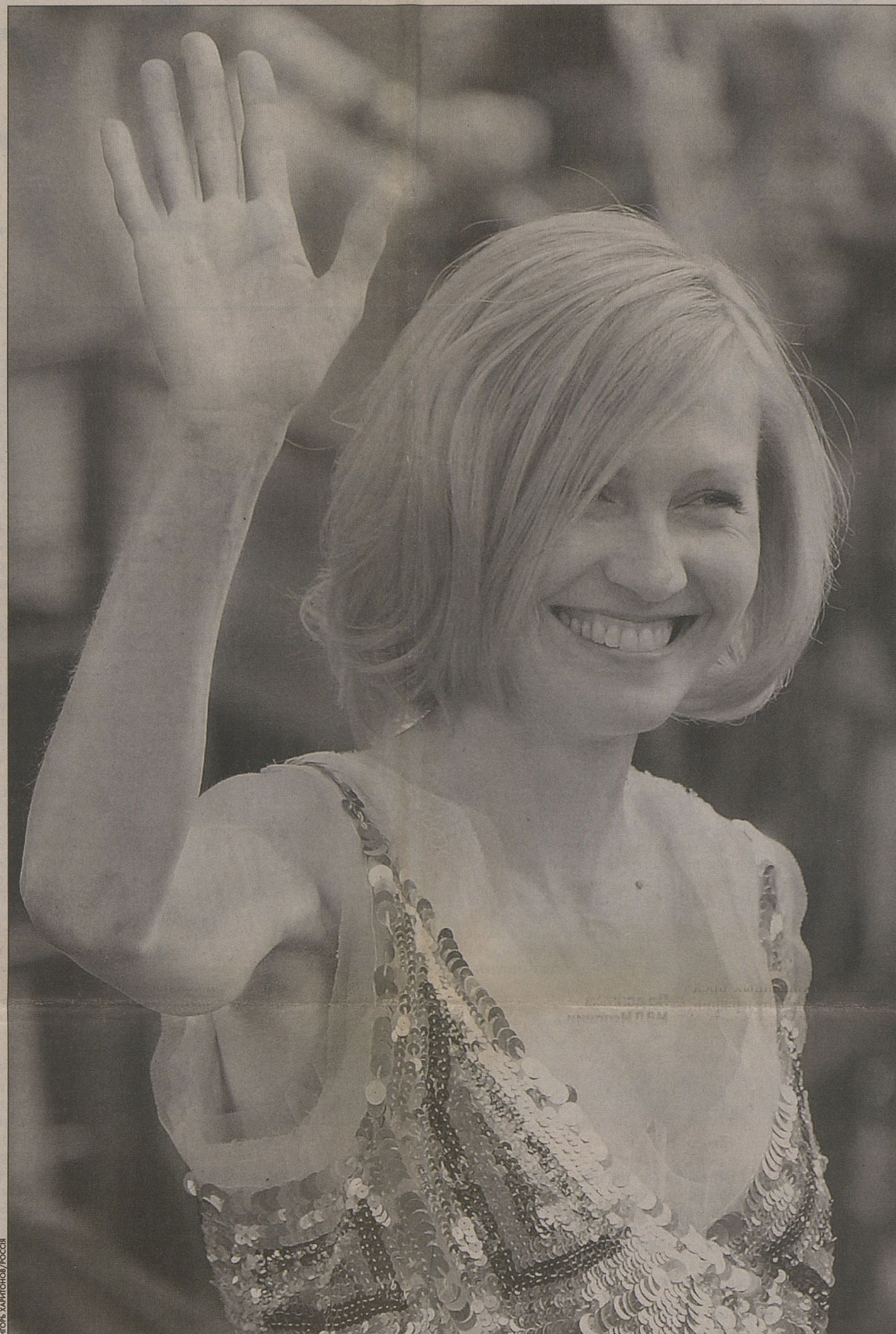

Беседовал
Александр
Славуцкий

Ингеборга Даккунайте
родилась в Вильнюсе.
Работала в вильнюсском
молодежном театре.
Снялась в ярких фильмах,
например в «Интердевочке»,
«Утомленных солнцем»,
«Подмосковных вечерах».
Покинула страну,
но не по политическим
соображениям, а по личным —
вышла замуж за известного
английского режиссера
Саймона Стоукса.
Теперь она живет
и работает в Англии.

Ингеборга ДАПКУНАЙТЕ: Мебелью я не кидаюсь

— Ингеборга, какими судьбами вы оказались сейчас в нашей столице?

— Я люблю Москву, но, к большому сожалению, в Москве я сейчас только проездом. Собираюсь здесь провести всего три дня, не больше. А приехала я в Россию в Петербург на съемки картины с рабочим названием «По этапу». Это про послеблокадный Ленинград, про женский лагерь, куда привозят немецких военнопленных. А надзиратели — все женщины! Такое вот соотношение... Я играю надзирательницу. Не очень хорошую...

— Почти как всегда. Вам часто приходится играть не очень хороших, как вы выражаетесь, героинь...

— Это меня не пугает. Главное, чтобы роль была неоднозначная, как в «Интердевочке». Еще мне было бы интересно сыграть какого-то психопата, например. Человека, одержимого чем-то.

— Продолжая тему негатива на сцене, надо сказать, что одной из театральных сенсаций стала ваша роль в спектакле «Монологи вагины», который шел на лондонской сцене. Другой — ваша роль в спектакле «Клоака», где вы выходили на сцену обнаженной. Можно ли сказать, что у вас есть желание эпатировать публику?

— Да, есть такое... Но это не главное. Если бы эти роли не были для меня интересны творчески, я бы не стала их играть. Роль в «Клоаке» — просто подарок. Приходишь в мужском костюме, сидишь, молчишь, потом произносишь самый смешной монолог в пьесе, все хлопают, и ты уходишь. Думаете, просто? Если бы было просто, любой человек с улицы мог бы это сделать, а выбрали меня! (Смеется.)

— Я знаю, что для участия в спектакле «Монологи вагины» существуют жесткие условия — на подготовку роли актерам отводится всего одна неделя! Трудно было работать в таких условиях?

— Нервничала перед первыми спектаклями страшно. Обычно в такие минуты хожу за кулисами и ору: «Я была умным ребенком! Я училась на пятерки! Я могла бы быть... адвокатом! Дипломатом!... Что я тут делаю?! Мне через три минуты на сцене читать вагинальные монологи!.. Мама!!!» При чем заметила, что нечто подобное происходило и с моими партнерами. Но кончилось все очень хорошо. Я получила от этой работы большое удовольствие.

— Как вы себя ощущали на сцене? Ведь каждый вечер вам приходилось эмоционально общаться на глазах сотен людей.

— Какая разница, какую пьесу я играю — «Чайку», «Монологи вагины» или любую другую. В Лондоне я читаю три монолога, три истории — про женщину, которая пришла в мастерскую по оргаммам, про изнасилование и про роды. И, знаете, было совсем не тяжело произносить со сцены такие тексты — успех всегда помогает, а спектакль был очень успешным. Да, спектакль затрагивает шокирующие темы, но он на самом деле очень добрый и абсолютно не пошлый. Я встретила на одного человека, включая мою очень консервативную, католических взглядов подружку-итальянку, который не был бы в восторге от спектакля.

— А что дала вам профессиональную роль ведущей в также негативно окрашенном реалити-шоу «Большой брат»?

— Это, безусловно, была новая грань для меня. Было очень интересно оказаться в прямом эфире, почувствовать ответственность перед огромной аудиторией, быть

готовой к импровизации. Но это с самого начала был временный проект, и он прошел. — Ваша жизнь весьма разнообразна. Вы сыграли в двух голливудских картинах «Миссия невыполнима» и «Семь лет в Тибете». Где сложнее работать — в Голливуде или на российских студиях?

— Ну что значит сложнее? Если честно работаешь, всегда сложно. Потом я же не снималась в голливудских студиях — мы работали в Англии, поэтому оценить ту «кухню» не могу.

— Кто из «звездных» партнеров произвел на вас особенное впечатление?

— Все разные, каждый из них по-своему интересен. Отношения со всеми тоже разные. Например, с Малковичем я дружу, с Крузом просто знакома. Но когда мне нужна была рекомендация для разрешения на работу, Том Круз мне ее прислал через несколько часов. Конечно, не сам, а его секретари, но он должен был ее подписать.

— Вы считаете себя больше театральной или киноактрисой?

— Нет приоритета. Театр и кино — это просто разные спецификации. В театре — играешь перед зрителем, в кино — перед камерой. И то и другое интересно.

— На каком языке вам больше нравится играть? И вообще, сколько языков вы знаете?

— На каком играть — тоже нет разницы. Из языков я хорошо знаю литовский, русский, английский, чуть хуже французский, немного польский. У меня была няня, полька, так вот она со мной разговаривала только по-польски. В языках я вообще быстро переключаюсь, например, с русского на английский и обратно. Наверное, я могла бы быть переводчицей, я довольно точно перевожу. Могу думать на любом языке. Вот сейчас разговариваю с вами по-русски и думаю тоже по-русски. Мне кажется, что такая возможность является настоящим подарком судьбы.

— Вашу встречу с мужем тоже можно назвать подарком.

— Я играла в вильнюсском драмтеатре, когда получила приглашение из Лондона поучаствовать в пробах на роль в спектакле «Ошибка речи» с участием знаменитого Джона Малковича. Поехала в Лондон из любопытства — раньше там не бывала. Тогда же познакомилась с режиссером Саймоном Стоуком. Через три дня вернулась домой. А вскоре меня вызвали играть главную роль. Я долго сомневалась, но режиссер театра знаменитый Эймунтас Някрошюс посоветовал ехать, сказав, что эта поездка может изменить мою судьбу. Сначала мы играли в Лондоне. Потом ездили по миру почти восемь месяцев. И все время Саймон был рядом. Когда начался наш роман, я даже точно не скажу. Не знаю. И свадьба наша не была типичной: мы не венчались в церкви, а лишь прошли через официальное оформление. А потом в фойе театра, где работал Саймон, собрали друзей и знакомых. Пару часов повеселились. А в шесть вечера все разъехались по своим делам. Потом на машине съездили с Саймоном во Францию, где выехала замуж моя младшая сестра. А через день после возвращения я улетела на съемки к Валере Тодоровскому. А еще через несколько дней я позвонила Саймону и спросила, что он думает по поводу того, что мне предстоит сниматься обнаженной. Мой вопрос его не то чтобы удивил — его удивило то, что я об этом спра-

шиваю. С тех пор мы с мужем в одних проектах не участвовали. Не хочу играть у него только потому, что я его жена. Буду играть у него только в том случае, если в постановке будет для меня хорошая роль. И мне бы не хотелось, чтобы он ставил спектакль под меня только потому, что он мой муж. Возможно, когда-нибудь и появится проект, который мы захотим осуществить вместе. Пока, хотя и хочется, на это нет времени, потому что у него много из нас есть какие-то свои творческие планы и обязательства, расписанные наперед. Зато мы вместе замечательно отдыхаем. Ходим в длинные походы по горам, посещаем интересные места... У русских есть такая поговорка: «Муж — это голова, а жена — шея». Но я все-таки надеюсь, что в нашей семье две головы. И две шеи!

— Ваш супруг не против ваших частых отъездов? Мало ли что может случиться с молодой, красивой женщиной! Вдруг какое-то романтическое увлечение?..

— Мне никогда не понять отношений, в которых мне что-то запрещают или разрешают. Мы можем сесть и обсудить какую-то проблему, но решение, если это касается только меня, принимаю лично я. Поймите, мы — профессиональные люди. Если бы ему не нравилось, что я так часто уезжаю, у него была бы другая жена. Когда более 10 лет тому назад мы решили жить вместе, он прекрасно знал, с кем будет жить. Как и я прекрасно знала, на что иду. Ведь мой муж

не просто часто уезжает — он руководит театром в другом городе! Знаете, мой жизненный опыт показывает, что роман — это процесс, отнимающий время и силы от работы. А если ты серьезно работаешь над ролью, на интрижки времени не хватает. Хотя, может быть, это я такой скучный человек. Ведь есть же люди, которые все успевают.

— Не тяжело ли жить рядом двум творческим людям? Часто ли у вас возникают споры?

— Это такая сложная химия — два человека вместе. Я не знаю, насколько было бы легче жить, если бы муж был нетворческим человеком. Я никогда не жила с нетворческим. А что такое спор? Мы люди воспитанные, все проблемы нормально обсуждаем. Во всяком случае, мебелью не кидаюсь.

— Изменила ли вас жизнь в Великобритании?

— С Англией моя жизнь связана уже больше десяти лет. Наверное, она на меня повлияла. Но за это время весь мир изменился, и мне трудно отследить, что кон-

кретно изменилось во мне в связи с Англией. Хотя, переехав жить в Англию, я очень полюбила завтрак в кафе. Я это просто обожаю! Не знаю, помните ли вы советские времена, но я выросла в такой обстановке, когда ходить в кафе не было чем-то обычным. Сейчас же можно спокойно пойти в какое-нибудь кафе, посидеть, почитать книжку, пообщаться с друзьями. Не хочу выглядеть как-то пафосно: мол, у меня такая шикарная жизнь, я только и делаю, что хожу по кафе и читаю там газеты. Как здорово! Нет. Но если есть возможность, не могу отказать себе в этом удовольствии. Я помню, как в первый раз в жизни попала в капстрану — это был Париж. Сколько там было кафе на улицах, сколько людей! Это вообще какая-то отдельная большая жизнь. Можно просто сидеть за столиком и смотреть на людей, общаться с ними мимолетно, и никто не подумает о тебе странно.

— Какие традиции этой страны вам нравятся?

— Конечно, Рождество. Но это и наша семейная тра-

диция. Мы всегда справляли Рождество в Вильнюсе, хотя еще недавно в Литве было запрещено его праздновать. Но у нас 24 декабря, в сочельник, вся семья собиралась, были подарки, какие-то зайцы, конфеты. И никому до Нового года нельзя было говорить, что ты получил подарок, — в такой атмосфере мы жили. Хотя думаю, что каждая вторая семья в Литве справляла Рождество. Я и сейчас всегда пытаюсь на Рождество приехать домой.

— А что не нравится?

— Могу точно сказать, что мне не нравится традиционный английский завтрак. Знаете, что это такое? Многие думают, что это овсянка. Но овсянка — это шотландский завтрак, и только зимой. А английский — это жареное яйцо, жареный бекон, жареный хлеб, жареные грибы, жареные сосиски (ужасные!), кровяная колбаса, то же жареная. Ну, фасоль в томатном соусе можно... Не знаю, кто его ест!

— Вам интересно здесь жить?

— Мне безумно интересно жить в Лондоне. Я играю в театре, где играют Питер О'Тул, Кевин Спейси, Лоуренс Оливье, Вивьен Ли, Ричардсон. Все-все. Когда мы выходим после спектакля, у нас просят автографы, говорят нам, какие мы все прекрасные. А те, кому какой-то спектакль не понравился, все равно ничего плохого не скажут, потому что люди очень вежливые.

— Говорят, вы любите футбол. Откуда возникло такое странное хобби?

— Я не считаю, что это хобби, просто увлечение. Мне футбол нравится потому, что там есть драматургия первенства, чемпионата. И тыходишь в эти события, выбираешь, за кого болеть. У меня был один отпуск, когда я вставала в 7 утра, чтобы посмотреть первенство. Знаете, как смешно комментируют футбол в Италии? Там это делает девушка в вечернем платье, неизменно накрашенная, — хозяйка спортивной программы. Остальные участники — спортивные специалисты. И вот они все хором на итальянском орут. А возник интерес к футболу потому, что мой муж его очень любит. И у меня был выбор — либо заинтересоваться самой, либо слушать этот шум и... выходить из себя. Ну, это шутка.

— Вам приходилось заседать в жюри Каннского фестиваля. Что особенно запомнилось, что поразило?

— Концентрация роскоши. Просто «ярмарка тщеславия» какая-то. Я имею в виду туалеты дам. Меня, конечно, предупредили, что с собой нужно взять вечерние наряды. Но оказалось, что там востребованы не просто вечерние платья, а супершикарные вечерние платья. Люди ходили — по улицам! — в таких нарядах... Это было как в волшебном сне. За мной ухаживали, как за принцессой. И я наслаждалась этим по полной программе. Есть во мне такое качество: если я получаю в подарок что-то приятное, стараюсь насладиться впечатлениями и ощущениями по максимуму. И я с наслаждением каждый день меняла свои туалеты... Но в один день поняла, что просчиталась и мне не хватает одного наряда (я взяла только пять платьев). Мы рванули с сестрой в магазин, где я купила нарядную ленту, и мы скомбинировали из двух костюмов совершенно оригинальное новое платье.

— Складывается такое впечатление, что в вашей карьере и жизни все идет гладко и успешно. Это действительно так? И если да, то в чем секрет этого успеха?

— Я думаю, что детство во многом определяет будущее. Я выросла в семье, где меня очень любили. И хотя родители постоянно отсутствовали (папа был дипломатом, они с мамой подолгу жили в Москве) и моим воспитанием занималась в основном бабушка, я не чувствовала себя брошенной. Бабушку упрекали, что она меня слишком балует, а она отвечала: «Когда я росла, у меня ничего не было, и я всего добивалась с трудом. Если ей понадобится что-то в жизни, она научится». Вот эти доверие и любовь, наверное, сформировали мой характер.

— А характер, как говорят, определяет судьбу... Вы верите в судьбу как в счастливый случай?

— Не знаю. В жизни — все комбинация, все связано одно с другим. Сложно сказать, где имеет значение твое решение, а где — стечение обстоятельств.

— Скажите, а вот если бы...

— Знаете, я никогда не думаю «если бы». Когда меня так спрашивают, я отвечаю: когда мы подойдем к речке, тогда будем решать — идти через мостик или плыть. В этом смысле я человек очень конкретный.

— Сегодня в моде здоровый образ жизни. Насколько вы привержены ему? Занимаетесь ли спортом, соблюдаете диеты?

— Знаете, сейчас каждое утро встаешь, смотришь газету, а там уже что-то новое придумали — что нам полезно, а что вредно. Сегодня белковая диета полезна, а завтра протренируем, нам скажут — нет, белковая не полезна, а вот жиры полезны! А на следующий день еще что-нибудь. Все очень относительно, поэтому надо себя больше слушать. Я вот, например, торты не ем просто

потому, что не люблю. А то, что люблю, ем. Стараюсь зарядку делать по утрам. Но не какую-то особенную, а свою собственную.

— Есть ли у вас вредные привычки, от которых хотелось бы избавиться? Или вы человек очень правильный?

— Ну да, не пью, не курю, в казино не играю. Но вот никогда не закрываю пробки на бутылках с водой. Вода потом выливается, но я все равно не закрываю.

— Часто актеры бывают людьми суверенными. Вы относитесь к таким?

— Я бы не сказала. Ну, стараюсь не возвращаться, если уже вышла из дома. А кошки, например, все время бегают! К ним спокойно отношусь.

— Можете вспомнить, когда пережили свой самый большой страх?

— Я летела из Москвы. Мы уже сидели в самолете, и вдруг нам говорят: ой, извините, мы не можем завести, ой, извините, нам сейчас подвезут грузовичок и нас сейчас заведут, ой, там не заводится правый двигатель. И все нам рассказывают. Два часа мы так просидели. Влетели. Все хорошо. И вдруг попали в турбулентную зону. Трясет дико. Самолет кидает. Мне стало очень и очень страшно. Сажу и думаю: «Ой, а вдруг разобьется?» Потом решаю: «Я уже в самолете, изменить ничего не могу!» лечу. Если все кончится сейчас, что ж, жизнь я прожила очень интересную. А если не разобьется, вся остальная моя жизнь — это подарок. И перестала бояться.

— Ладно, перейдем к более конкретным вопросам. Стиль Ингеборги Даккунайте — какой он?

— В целом вещей у меня немного. Так как я много путешествую, все должно сочетаться и укладываться в один чемодан. Последнее время я, кроме джинсов и свитера, ничего не ношу. Вот недавно ходила к кому-то на день рождения, все равно надела джинсы.

— Что в современной моде вам нравится, а что вызывает резкое неприятие?

— Я не знаю. Каждому человеку идет разное. Кому-то — элегантность, кому-то — бесшабашность, кому-то все равно, что на себя надеть. Мне нравится, когда люди красиво одеваются, и все.

— Сами для себя легко выбираете вещи?

— Вот вчера выбирала часы. Целый час. Но там просто очень большой выбор, и все часы красивые.

— А вообще до какой степени для вас имеют значение вещи, которые окружают вас?

— Конечно, вещи очень связаны с человеком. Они что-то выражают, и ты хочешь — не хочешь воспринимать вещь, которую ты носишь. Наблюдать связь человека и предметов — это часть моей профессии, так как все персонажи мои где-то живут. Например, тыходишь в квартиру и говоришь: «Это не мое пространство». Или: «Это пространство говорит о моей героине то-то и то-то».

— А свою лондонскую квартиру вы украшаете каким-то особым образом?

— Я только одну стенку сломала и поменяла отопление. У меня нет этого дара или потребности — заниматься интерьером, думать об этом. У меня вообще нет задачи — жить «красиво». Жизнь ведь течет не по правилам, она гораздо сложнее и вместе с тем проще, чем любые понятия о «красивом». Поэтому создать какую-то эстетику и существовать в ней — это создать себе какие-то ограничения. Например, в интерьерах, созданных дизайнерами, живет 0,001% населения земли. Все остальные живут так, как живут. И я особенно не отличаюсь от других.

— Скажите, какой комплимент, услышанный вами когда-либо, запомнился больше всего?

— Как-то я ехала в лифте с одной парой. Женщина говорит своему спутнику: «Смотри, вот эта девочка играла в фильме «Утомленные солнцем». А мужчина отвечает: «Надо же, как она выросла!»

Слова

Валерий Тодоровский, режиссер:

— Годы за четыре до того, как я начал снимать фильм «Подмосковные вечера», Ингеборга уехала в Лондон и там жила. Никому не приходило в голову, что можно ее вызвать сюда и снять. Так что ее роль в моем фильме стала пусть небольшим, но открытием. С этого момента начался новый этап ее карьеры в России. Она стала нашей звездой, и я горжусь тем, что имею к ее восхождению к славе некоторое отношение. Ингеборга настоящая русская актриса, а также актриса всего мира. Я искренне желаю Инге хороших ролей на всех доступных ей языках с самыми лучшими режиссерами и партнерами.